

РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРАДИЦИИ
В АТЕИСТИЧЕСКОМ СОВЕТСКОМ
ГОСУДАРСТВЕ

УДК 39

А. Б. Островский

Святые места русского сельского социума
в период гонений на церковную жизнь
(по полевым материалам)

Островский Александр Борисович, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии русского народа, научный сотрудник главной категории, доктор исторических наук; ost-alex@yandex.ru

В докладе рассматриваются внехрамовые формы поддержания церковного единства в период государственного атеизма: крещение, совершаемое мирянами, богомолье, а также более подробно – православные представления и конкретные обычаи, приуроченные к местночтимым святыням. В их числе: здание и местонахождение храма, переставшего функционировать; место обитания, могила старца; святые ключики. Автор опирается на собственные полевые материалы, собранные в конце XX – начале XXI в. в разных регионах страны, преимущественно в Новгородской и Нижегородской обл. Элементы православного сознания и поведенческие стереотипы излагаются, анализируются в тесной связи с народно-православными нравственными оценками, народными представлениями о благочестии и каре за святотатство.

Ключевые слова: внехрамовые формы церковного единства, народное православие, святые ключики, старец Герасим.

Доклад основывается на полевых материалах, собранных в Новгородской, Нижегородской и Свердловской обл. в конце XX – начале XXI в. Тогда уже прекратились гонения на церковную жизнь (происходившие в сельской местности в 1930-х – начале 1980-х гг.), шло возрождение православных приходов. Вместе с тем отчетливо сохранялась память о формах религиозной жизни вне храма, которые, невзирая на запреты, и в неблагоприятный период не утрачивали своей актуальности, обеспечивая духовную преемственность.

После закрытия церковей крещение повсеместно стало делом мирян. Так, в Маловишерском р-не Новгородской обл. «после того, как в начале войны церковь разобрали, детей крестили дома в деревянной кадке; эту кадку потом можно было использовать. Горели три свечи, после молитвы три раза погружали <...> Мальчика на руки брал крестный, а девочку крестная. Надевали рубашечку и крестик. Крестили после месяца. Потом уже батюшка в церкви спросил: «Девочку купала?» – и купать не стал, только волосики подрезал и миро помазал»¹. Подобным образом совершалось и в Нижегородской обл., Сергачском, Бутурлинском и Арзамасском р-нах: «В войну крестила здесь бабушка; потом в церкви батюшка только миро мазал и молитву произносил. Крестили в мере для жита (деревянной или железной), три свечки на нее ставили. Должны были быть крестный и крестная. Готовили рубашечку, поясок, крестик»².

Нередко после того, как сельская церковь была закрыта, к ней сохранялось отношение как к святыне; и даже если церковное здание было разрушено, такое же отношение распространялось на то место, где она прежде находилась. Виновных в святотатстве – разрушении церкви, использовании ее здания не по назначению, неуважении к прежней церковной территории – настигала, по народным представлениям, Божья кара. Приведем примеры по Новгородской обл.

В д. Брод Валдайского р-на «была каменная часовня. Эта часовня уже до войны была разрушена. В праздники и воскресенья молодежь – в Бога не верящие – к часовне собиралась. Девочки плясали у часовни, а пацаны купались в омуте. Как-то в конце 1930-х гг. тучка нагрянула, и молния попала в березу у часовни. Три девушки (из тех семи, что плясали) остались в живых, а четверых убило осколками. Все подумали, что вот, довеселились. Больше там не плясали»³.

Рассказ из д. Барашиха Маловишерского р-на: «Однажды перед войной милиционер Кириллов позвал моего деверя идти с ним в церковь в Усть-Вольме: “Скажу, что там делать”. Когда пришли, милиционер взял багор и стал бить им по иконам, колет иконы в глаза – Николая Угодника, Спасителя, Божью Матерь и др. Миша, деверь, отказывается бить, говорит, что рука у него болит. Милици-

онер как пришел домой, так и ослеп. Все иконы повезли из церкви в пекарню, чтобы сжечь. Пекарня загорелась, сгорела»⁴.

Случай в той же деревне, уже в послевоенное время: «В деревне была часовня, стояла до середины 1970-х гг. Бригадир дал наряд разрушить часовню. Вскоре он, поехав на косилке, упал и заболел, умер. А тот, кто разваливал, тоже через несколько лет заболел (инфаркт) и умер»⁵.

Рассказ из села Старорусского р-на: «В Буреги колокола и кресты с церковью сняли в 1930-е гг. (церкви XVIII в.). Кресты и колокола снимали два брата. Икону, взятую из церкви, они сожгли перед сельсоветом. Их судьба сложилась неблагоприятно: один во время войны пропал без вести, второй был контужен и потерял дар речи. Люди говорили, что их Бог наказал»⁶.

В условиях повсеместного закрытия сельских церквей важной и весьма распространенной формой почитания святости были хождения по обету на богомолья, коллективные либо индивидуальные посещения святого места: отдаленной церкви, в которой еще сохранялось служение, а также к почитаемому в конкретной местности святому целительному ключику. Приведем рассказ из Маловишерского р-на: «Девушкой я в Новгород молиться ходила, двое-трое суток. Много людей туда ходило, пешком ходили по завету. Раньше пешочком по церквам ходили. Я ходила в церковь Варлаамия Хутынского молиться. И после войны пешком в Новгород ходили; службу одну отслужишь – и домой. Туда полотенца носили в дар... Еще летом в праздник Пантелеймона ходили по завету и в роднике купались; это поближе. Говорили одному, который ходить не мог: надо сходить по завету. Так он полдороги едва шел, а потом как стрёпанный – быстро пошел, исцелился»⁷. О помощи от святого сообщил и другой пожилой информант: «У меня нога распухла, когда мне было еще 40 лет. Давала завет: службу Пантелеймону в церкви отслужить. Вскоре нога уже не болела, дошла до автобуса. Не знала в церкви, какая его икона: думала, это старичок, а он молодой. Пришла домой – и уже забыла, что нога болит»⁸.

Материал по «святым ключикам» – целительным, возникшим на том месте, где прежде находилась православная часовня или проживал благочестивый отшельник, собран нами в Ветлужском р-не Нижегородской обл.⁹ и двух р-нах Свердловской обл. Так, в Невьянском р-не неподалеку от д. Сербиишино, на другой стороне р. Нейва, почитают целительные родники – один из них сохранился с того времени, когда там в келье, составленной из камней, проживал отшельник Симеон (в первой половине XX в.), а другой появился после его кончины. О Симеоне известно, что он носил на груди крупный чугунный крест, вросший в тело¹⁰. На возвышенности око-

ло д. Платоново Шалинского р-на находятся источники, возникшие после захоронения там убитых иноков Аркадия и Константина. По словам информанта, иноки погибли в 1930-х гг.; однако в надписи, вырезанной на табличке, установленной в конце XX в. вблизи их могил, фигурирует более ранняя дата – 1795 г. и сказано: «...Здесь подвиг свой несли годами / Те, чей приют леса, поля, / Презрев покой, утехи мира, / Они стремились быть достойны / Того, кто умер на кресте./ Аркадие и Константине, / Молитесь Господу за нас...» Ежегодно местные старообрядцы Белокриницкого согласия на другой день после своего престольного праздника (День Иоанна Предтечи) отправляются крестным ходом на эти источники, проводят там коллективную службу¹¹.

В д. Монино Ветлужского р-на на высоком берегу р. Ветлуги возник целительный источник вблизи прежнего местонахождения часовни в честь св. Николая (разрушена в 1948 г.). Ключик в том же р-не, около бывшей д. Чертиха (не сохранилась), напрямую связан с преданием о жившем там старце Герасиме (умер в конце XIX в.). Его фотографию нередко можно встретить в крестьянской избе – в переднем углу у божицы, к нему обращают молитву. Священник Русской православной церкви из г. Ветлуги так прокомментировал эту сложившуюся в XX в. народно-православную традицию: «Молиться к Герасиму не грешно, можно его фотографию держать рядом с книгами. Хотя Герасим и не канонизирован, но звание старца, данное ему народом, церковь признает. При каждой заупокойной службе вспоминаем и о старце Герасиме»¹². О Герасиме известно, что он оставил свою семью – жену и двоих детей, хотя продолжал оказывать им помощь; вел аскетический образ жизни, уйдя по обету на жительство в пещеру, где находились только стол, стул и икона. Нередко в келье его заедали клопы и оводы; на теле, а также поверх одежды старец постоянно носил железные вериги весом, соответственно, 8 и 4 кг. Рассказывают о чудесах, совершавшихся Герасимом: видели, как «он шел по воде, как по земле»; «когда он молился, его свеча никогда не гасла»; «используя обычно только лампадное масло, исцелял от коросты, от паралича ног, облысения, от кил»; «предсказал, что выйдут нетленными его мощи и что к нему будут приходить за помощью и после кончины – «как к живому»¹³. Рассказывают, что на его похоронах несли хоругви священники, приехавшие из Москвы. В зрительно-образной форме эта связь Герасима с церковью проявилась также у двух женщин в том, что одна из них увидела его во сне, две ночи подряд, в облике старичка, держащего пасху, а другая, оставив в голбце воду, принесенную ею в трехлитровой банке с ключика Герасима, обнаружила, что «вода

там замерзла, и лёд стал в форме церкви – лёд церковой сделался, и наверху крест, как чудо – я позвала баб поглядеть»¹⁴.

Почитаемый ключик, по преданию, возник после того, как некоему человеку во сне явился Герасим и велел взять лопату и прорыть колодец, где будет целебная вода. Вода из этого ключика имеется почти в каждом доме округи; приезжают за ней также издалека. В числе называемых случаев исцеления водой из ключика Герасима: от бесплодия, слепоты, младенческой грыжи. Вместе с тем ключик не каждому позволяет зачерпнуть воды. Согласно сообщениям из разных деревень: когда родственница информанта пожелала зачерпнуть воды, оказалось там сухо, а немного отойдя назад, заметила, что другим удастся там набрать воды; соседка другого информанта пыталась зачерпнуть, но вода у нее оказывалась грязная, со мхом. Обе женщины поняли, что причина неудачи заключена в них самих: шли «с нечистой душой»¹⁵. Подобные повествования поддерживают контекст благочестия данного святого места уже не только в отношении его генезиса, но в аспекте его функционирования.

Смысловым центром благочестивого отношения к целительным источникам и другим упоминавшимся выше святым местам оказывается всякий раз представление о святыне (об иконе, о находившейся здесь прежде часовне, церкви) или о благочестивой личности. Те факты, которые наблюдатель-этнограф интерпретирует как «духовное освоение пространства» (термин Т.Б. Щепанской), для носителей православной традиции выступают внехрамовой формой поддержания церковного единства.

¹ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 113. Л. 83–83об.

² Там же. Д. 127. Л. 52об.; см.: Л. 8об., 49об., 78, 63, 55.

³ Там же. Д. 113. Л. 22.

⁴ Там же. Л. 82.

⁵ Там же. Л. 81.

⁶ Там же. Оп. 2. Д. 43. Л. 41–40.

⁷ Там же. Оп. 1. Д. 113. Л. 67–6 об.

⁸ Там же. Л. 70.

⁹ См.: Островский А.Б. Святые ключики Ветлужского края: преемственность благочестия в XX в. // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. статей памяти проф. И.В. Дубова / Под ред. А.Н. Кирпичникова, В.Н. Седых. СПб.: Изд-во СПбУ, 2004. С. 359–352.

¹⁰ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 152. Л. 35 об.

¹¹ Там же. Л. 39 об., 49, 57об.–58.

¹² Д. 85. Л. 58.

¹³ Там же. Л. 21об., 36об.

¹⁴ Там же. Л. 56, 53.

¹⁵ Там же. Л. 21об., 36.

A. B. Ostrovskii

Sacred Places of Russian Rural Society
During the Anti-Church Period (Based
on the Field Research Materials)

Ostrovskii Aleksandr Borisovich, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Russian People, main research fellow, D. Sc. (History); ost-alex@yandex.ru

The paper deals with out-of-church method of upholding the religious community throughout the age of state atheism: baptism performed by laymen, religious pilgrimages, along with a more detailed view of Orthodox concepts and customs related to local saints. They include non-functional church buildings and locations; holy elders' residences and graves; holy springs. The author used field materials he collected in the late XX – early XXI centuries in various parts of Russia, mostly in Novgorod and Nizhny Novgorod Regions. He describes and analyzes elements of Orthodox consciousness and behavioral stereotypes in close connection with popular Orthodox moral judgements and grassroots concepts of piety and punishment reserved for blasphemers

Keywords: out-of-church forms of religious community, popular Orthodoxy, holy springs, elder Gerasim.